

В. Эрн

Борьба за логос

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В. Эрн**
Борьба за логос / В. Эрн – М.: Книга по Требованию, 2015. – 372 с.

ISBN 978-5-458-54499-3

Борьба за логос.
Опыты философские и критические.

ISBN 978-5-458-54499-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чтобъ облегчить читателю пониманіе самой сущности нижеслѣдующихъ статей, я кратко выясню, что я разумѣю подъ словомъ *логосъ* и почему, выпуская въ свѣтъ свою книгу, даю ей воинственное заглавіе: *борьба*.

Въ словѣ *логосъ* для меня объединяются всѣ особенности той философіи, которая основательно забыта современностью и которая мною считается единственно истинной, здоровой, нужной. *Λόγος*,—есть лозунгъ, зовущій философію отъ схоластики и отвлеченности вернуться къ *жизни* и не насилуя жизни схемами, наоборотъ *внимая ей*, стать вдохновенной и чуткой истолковательницей ея божественнаго *смысла*, ея скрытой радости, ея глубокихъ задачъ. Если рационализмомъ называется философія, которая сознательно избираетъ органомъ своего изслѣдованія *ratio*, т.-е. формальный *разсудокъ*, оторванный отъ полноты и безконечнаго многообразія жизни, то позволительно назвать логизмомъ такую философію, которая отрицаетъ рационализмъ въ самомъ корнѣ, которая избираетъ органомъ своихъ постиженій *Λόγος* т.-е. *разумъ*, взятый *внѣ* отвлеченія отъ живой и конкретной дѣйствительности, ей сочувственный и ее имманентно проникающій. Логосъ есть коренное и глубочайшее единство *постигающаго* и *постигаемаго*, единство познающаго и того объективнаго *смысла*, который познается. Истина этого первоначальнаго единства была открыта великой эллинской философіей и съ незабвенной силой возведена на новую ступень сознанія въ глубокомъ умозрѣніи и глубочайшемъ внутреннемъ

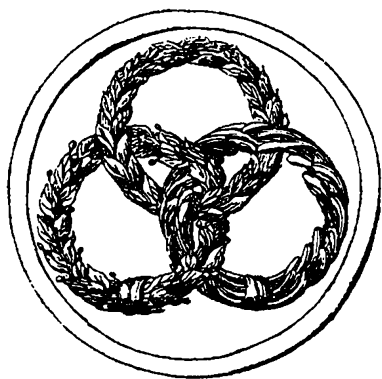
VIII

опытъ христіанства. Развивая отдѣльныя стороны логистическаго міропониманія, я сознательно опредѣляю, такимъ образомъ, свою философію, какъ философію *христіанскую*.

Отсюда понятно, почему за логизмъ приходится *бороться*. Высшія цѣнности, величайшія святыни — возбуждаютъ и самую ожесточенную борьбу. Духъ самоутверждающейся гордыни, духъ времени и большинства — всегда возстаетъ противъ таинственной истины *воплощенія Слова*. Рационализмъ глубочайшимъ образомъ отрицаетъ всѣ святыни логизма, и никогда, кажется, за всю исторію міра, рационализмъ не былъ такой огромной, исторической силой, какъ въ наше время. Для того, чтобъ пронести святыни логизма сквозь строй современнаго мышленія, нужна борьба не на жизнь, а на смерть, нужно оружіе стальной неумолимо отточенной логики.

Вотъ отчего паеосъ борьбы проникаетъ всю книгу. «Смерть зови на *смертный* бой». Если бъ я не видѣлъ въ рационализмъ—этомъ кумирѣ современности—*смерти* и величайшей духовной опасности, я бы не боролся съ нимъ столь настойчиво и упорно. Но, я думаю, чуткое ухо сквозь ожесточеніе «логической» борьбы, разслышитъ и иные мотивы моего философствованія:—мою *вѣру* и мою *любовь*.

2 марта 1911 г.

Надлежитъ сперва вѣтисѣ.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАГМАТИЗМѢ.

Vernunft fängt an zu sprechen.
Und Hoffnung wieder an zu blühen.
Man sehnt sich nach des Lebens
Bächen.

Ach nach des Lebens Quellen hin.
Goethe. Faust I.

*Καὶ οὐδείς βάλλει οἶνον νέον εἰς
ἀσκὸς παλαιός*

Κατὰ Μάρκον 2, 22.

Прагматизмъ явленіе интересное ¹⁾. На современномъ философскомъ безрыбьѣ, когда и Саулъ во пророкахъ, когда ремесленные производители философской бижутеріи переполняютъ кафедры и книжные рынки, — прагматизмъ по праву обращаетъ на себя почти всеобщее вниманіе и по праву можетъ быть названъ тѣмъ „ракомъ“, который многіе охотно примутъ за настоящую „рыбу“. Отъ полныхъ учености, трудолюбія и методическаго упорства книгъ современныхъ нѣмецкихъ философовъ съ удовольствіемъ переходишь къ твореніямъ прагматистовъ, полныхъ свѣжести, даровитости и какого-то философскаго „кислорода“. Съ такимъ удовольствіемъ послѣ упорнаго дня, проведеннаго въ книгохранилищѣ, выходишь на оживленную улицу, испещренную огнями, загадочную непрерывнымъ мельканіемъ незнакомыхъ лицъ.

Прагматизмъ родился подъ счастливой звѣздой. Не успѣлъ онъ еще вылупиться изъ яйца и какъ слѣдуетъ осмотрѣться

¹⁾ Рефератъ, прочитанный въ Р.-Ф. Обществѣ памяти Вл. Соловьева 26-го февраля 1910 года. Напечатанъ въ Моск. Ежен. №№ 17—18.

въ этомъ мірѣ, какъ во всѣхъ частяхъ свѣта его стали чувствовать привѣтствіями, статьями, критикой, опроверженіями. Это ему очень на-руку. Быть-можетъ „прагматистамъ не нашлось бы никакого *спеціальнаго* дѣла, никакого истиннаго *прѣдмета*, имъ однимъ свойственнаго, изъ ихъ философіи вытекающаго; но журнальный шумъ, ознаменовавшій рожденіе прагматизма, спасъ новорожденных прагматистовъ отъ возможнаго бездѣлья и доставилъ имъ много, впрочемъ, самаго *обыкновеннаго*, дѣла: корреспонденцію, полемику, разясненія, пропаганду и тому подобныя принадлежности всякаго живого литературнаго движенія.

Кислороду тутъ много. Живость прагматическаго движенія поистинѣ американская и внушаетъ даже какія-то нефилософскія мысли. Но вотъ въ чемъ вопросъ: есть ли у прагматизма реальная сущность? Есть ли въ немъ хоть одно новое слово, которое сообщило бы ему дѣйствительно оригинальную фizioномію? Которое утвердило бы его права не только въ европейско-американскихъ общественныхъ настроеніяхъ, но и въ царствѣ благородныхъ мыслителей, открывавшихъ новыя точки зрѣнія, созидавшихъ новыя *философскія цѣнности*? Въ своей попыткѣ отвѣтить на этотъ вопросъ я останавлиюсь лишь на Джемсѣ, безспорно самомъ крупномъ и самомъ значительномъ прагматистѣ, но все сказанное—именно потому, что Джемсъ самая большая сила прагматизма—а *fortiori* будетъ относиться и вообще ко всему прагматизму.

I.

Прежде всего необходимо устранить одну иллюзію. Да не поставятъ знакъ равенства между Джемсомъ и прагматизмомъ! Прагматизмъ въ изложеніи Джемса и Джемсъ въ рамкѣ и подъ стекломъ прагматизма—это далеко не одно и то же. Въ прагматизмъ попадаетъ лишь кусочекъ Джемса,—прагматизмъ случайное одѣяніе Джемса,—а самъ онъ, душа

его безконечно значительнѣе, безконечно глубже и сложнѣе прагматизма. Авторъ „The principles of psychology“, авторъ „Многообразія религіознаго опыта“, — какъ рѣдко одаренная личность, какъ окрыленная поистинѣ философскимъ Эросомъ натура, не можетъ исчерпаться и адекватно выразиться въ эклектическомъ и по существу неопредѣленномъ прагматизмѣ.

Онъ придаетъ чарующую прелесть прагматизму. Подъ его перомъ прагматизмъ блещетъ всѣми красками жизни, переливается трепетомъ и тревогой мірового исканія. Нельзя всей душой не откликаться на его рѣчь сдержанно-вдохновенную, питаемую внутреннимъ огнемъ и сердечнымъ жаромъ. Обаянію личности Джемса поддаешься невольно и безраздѣльно. Но прагматизмъ? Можно ли прагматизму удѣлить хоть частицу восторга, непрерывно вызываемаго Джемсомъ? Отставьте Академію отъ Ломоносова—и въ Академіи останутся лишь стѣны да мебель. Отставьте прагматизмъ отъ Джемса и въ прагматизмѣ останется безпринципный хаосъ самыхъ разнообразныхъ философскихъ отрывковъ. Софистическій релятивизмъ, столь характерный для прагматизма, заимствуется прямо у современныхъ европейскихъ философовъ. Софистическій релятивизмъ есть болѣзнь современнаго духа, захватившая десятки мыслителей, имѣющая огромную сферу дѣйствія, и прагматизмъ, всецѣло принявшій эту болѣзнь внутрь себя, быть-можетъ и поступилъ очень „практично“, ибо поплылъ по теченію, но этимъ лишилъ себя всякой *идейной* оригинальности. Прагматизмъ *эклектиченъ*, не созидаетъ новыхъ точекъ зрѣнія, не имѣетъ ни одного творческаго *fiat*, которое отличаетъ всѣхъ великихъ мыслителей; онъ въ идеѣ своей лишь гидъ, путеводитель, имѣющій цѣлью лишь ориентировать. Задача все же почтенная, но, къ сожалѣнію, этотъ гидъ себѣ на умѣ и, какъ всякій гидъ, норовитъ провести мимо истинныхъ сокровищъ духа и останавливаетъ передъ банальностями. Джемсъ, извлекающій изъ прагматизма столь

сильные звуки, подобенъ самородку, который передаетъ свою великую душу черезъ три самодѣльныхъ струны, но заставьте играть на этихъ трехъ жалкихъ струнахъ другого, самаго гениальнаго музыканта—и эти струны будутъ безсильно бречать. Очевидно инструментъ не годится. Вѣчно новое вино философскаго Эроса вливается Джемсомъ въ мѣхи старые, обветшавшіе. Что жъ, вино это будутъ собирать тѣ, у кого мѣхи поновѣе, а концепціи Джемса,—его случайный философскій костюмъ—будутъ сданы въ архивъ.

II.

Если бъ Платонъ, не встрѣтивъ Сократа и не нашедши себя, остался при точкѣ зрѣнія Протагора и свою великолѣпную писательскую дѣятельность посвятилъ пропагандѣ протагоровскаго релятивизма, онъ все же остался бы Платономъ. Изложеніе его было бы страстнымъ, блестящимъ, божественно отражающимъ конкретность и сложность жизни. И сквозь рубища релятивизма проглядывалъ бы таинственный гений, ниспосланный свыше. Такъ и талантливый Джемсъ, очевидно не встрѣтившій своего Сократа, не пережившій безмѣрную реальность невидимаго царства Идей, даже въ рубищахъ прагматизма являетъ собой прекрасное зрѣлище, полное серіозности и достоинства. Отчего происходитъ это? Отъ исключительной одаренности Джемса. Помимо живости писательскаго темперамента, помимо яркой художественности изложенія (увы, столь рѣдкой среди философовъ!), Джемсъ достигаетъ подобнаго эффекта однимъ замѣчательнымъ качествомъ: онъ непрерывно колеблется въ своихъ точкахъ зрѣнія, онъ непрерывно мѣняетъ позиціи и дѣлаетъ это съ такой увлеченностью, съ такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, что ни одному довѣрчивому читателю не придетъ въ голову обвинить Джемса въ перемежаемости точекъ зрѣнія. Но попробуйте проанализировать цѣпь его утверждений и вы увидите, что

связана она не логической мыслью, а психологической цѣльностью его личности. Отсутствіе метода полное! То онъ психологистъ, увѣренный, что достаточно въ яркихъ, но схематичныхъ чертахъ набросать психологію даннаго типа мышленія, чтобы этимъ самымъ произвести оцѣнку его объективной значимости. То онъ мистическій интуитивистъ, бросающій ослѣпительный афоризмъ и увѣренный, что достаточно высказать мысль, а въ аргументаціи она не нуждается. То онъ фанатикъ научности, боготворящій факты, какъ факты, желающій быть объективно, универсально фактичнымъ, а то вдругъ, вопреки всякой наукѣ, съ произвольностью явнаго субъективиста, перемѣщаетъ огромные факты и колоссальныя группы фактовъ въ исторіи мысли и философіи. Джемсъ въ тревожномъ теченіи своихъ мыслей—*импрессионистиченъ*, и если бы не яркая, цѣльная личность,—міровоззрѣніе его разорвалось бы на нѣсколько, почти несоприкасающихся между собой рядовъ.

„Для человѣка, когда-либо смотрѣвшаго на лицо своего мертвaго ребенка или отца, одинъ тотъ фактъ, что матерія *сумѣла* на время принять эту драгоценную форму, долженъ былъ бы сдѣлать матерію навсегда священной“.

Эти слова мнѣ представляются прекраснымъ мраморнымъ изваяніемъ. Въ нихъ безконечная глубина сочетается съ яркой конкретностью формы. Въ нихъ истинная душа Джемса, душа всечеловѣка, молитвенно-религіозная. Тысячи верствъ, океанъ, иная культура, религія—все исчезаетъ прочь, и слова эти кажутся рожденными въ нашей душѣ.

Кто чувствуетъ силу словъ, кто ощущаетъ жизнь порожденной мысли, тотъ можетъ представить, какъ мысль эта растетъ, развивается, становится цѣльнымъ, прекраснымъ міровоззрѣніемъ и, подобно готическому храму, тянется къ небесамъ. Это одинъ изъ полюсовъ въ настроеніи Джемса.

Съ недоумѣніемъ, почти съ ужасомъ, немногими страницами ниже вы натываетесь на новый, *опять* блестящій афо-

ризмъ: „Дарвинизмъ показалъ колоссальное *мотовство природы*“. Джемсъ поступаетъ благоразумно. Никто не сможетъ уличить его въ формальномъ противорѣчii. Но неужили *эти* слова послѣ *тѣхъ* не кажутся какимъ-то вопіющимъ опроверженіемъ? Тамъ матерія была признана священной, навсегда священной, таинственной въ своемъ безсознательномъ благородствѣ. Тутъ природа, вся природа обзывается колоссальнымъ мотомъ, разоблаченнымъ въ своей непривлекательной сущности. Въ этихъ словахъ *другой* Джемсъ, съ англосаксонской примитивностью мысли, породившей явленіе дарвинизма. Чуждо звучить это дерзкое утвержденіе Джемса еще потому, что въ немъ онъ догматиченъ, онъ абсолютенъ, онъ трансцендентенъ и категориченъ въ полномъ несоотвѣтствіи съ общимъ, агностически-релятивистическимъ и условнымъ характеромъ прагматизма. Навсегда священная „матерія“ и „колоссальное мотовство природы“—развѣ это не *два* явно-различныхъ и исключających другъ друга позиціи въ отношеніи *одного и того же* предмета? Я лично не противъ чистаго импрессионизма. Но и импрессионизмъ долженъ быть вѣренъ себѣ и не связывать себя съ столь чуждымъ ему прагматизмомъ.

III.

Отъ общихъ характеристикъ перейдемъ къ *содержанію* прагматизма. Не будемъ поддаваться чарамъ личности Джемса, будемъ взвѣшивать мысли, какъ мысли.

Что такое прагматизмъ? Каковъ его *raison d'être*? Онъ хочетъ быть новымъ методомъ разрѣшенія старыхъ „проклятыхъ“ вопросовъ. Для прагматиста *globus intellectualis* современнаго человѣчества представляется въ видѣ чудовищнаго лабиринта, изъ котораго нужно найти выходъ. Прагматизмъ и рекомендуетъ себя, какъ прекраснаго, опытнаго и практическаго проводника по этому лабиринту.